СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
Томъ LIII, № 2.

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ЗА 1891 ГОДЪ.

СОСТАВЛЕННЫЙ

К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1892.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Январь 1892 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *А. Штраухъ.*

ОТЧЕТЪ

о дѣятельности

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

за 1891 годъ,

составленный ординарнымъ академикомъ **К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ.**

Читанъ въ торжественномъ засѣданіи 29-го декабря академикомъ Л. Н. Майковымъ.

Отдѣленіе Русскаго языка и словесности въ отчетномъ году, какъ и въ предыдущіе, озабочено было главнымъ образомъ приготовленіемъ новаго изданія Академическаго Словаря, составляемаго подъ редакціею Вице-президента Академіи, предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи ординарнаго академика Я. К. Грота. Нынѣ появляется первый выпускъ этого словаря, заключающій въ себѣ буквы А, Б и часть В.

Извлекаемъ изъ предисловія къ словарю важнѣйшія данныя о характерѣ этого изданія. Оно имѣетъ предметомъ собственно общеупотребительный въ Россіи литературный языкъ, какъ онъ образовался со временъ Ломоносова; изъ церковно-славянскаго же и древне-русскаго сохраняетъ оно только тѣ слова, которыя встрѣчаются въ произведеніяхъ литературы или сохранились въ общемъ употребленіи. Назначеніе словаря быть истолкователемъ живого языка не исключаетъ изъ него такихъ словъ, которыя хотя и вышли изъ употребленія, но встрѣчаются въ сочиненіяхъ, относящихся къ обнимаемому словаремъ періоду.

Такъ какъ часто очень трудно въ точности опредѣлить, къ общерусскому ли или къ областному принадлежитъ такое-то слово, то въ словарь иногда неизбѣжно будутъ попадать и слова областныя, и именно частью такія, которыя получили обширное распространеніе, частью мѣстныя слова, встрѣчающіяся у писателей, частью, наконецъ, удачно выражающія такія понятія, для которыхъ въ общеупотребительномъ языкѣ недостаетъ слова. Въ этомъ отношеніи принято за правило: лучше давать лишнее, нежели опускать то, объ излишествѣ чего могутъ быть разныя мнѣнія.

Изъ научныхъ и техническихъ терминовъ въ словарь заносятся такія названія, которыя могутъ встрѣчаться какъ во вседневномъ быту, такъ и въ неслишкомъ спеціальныхъ сочиненіяхъ, а также термины собственно русскаго происхожденія, хотя и малоизвѣстные, но могущіе удачно замѣнять иностранные; при ботаническихъ, а отчасти и зоологическихъ названіяхъ приводится соотвѣтствующій имъ латинскій терминъ и кромѣ того (*курсивомъ*) тѣ названія, подъ которыми одно и то же растеніе или животное извѣстно въ разныхъ мѣстахъ Россіи.

Изъ полнаго русскаго словаря нельзя исключить весьма многочисленнаго у насъ отдѣла заимствованныхъ иностранныхъ словъ. Въ западно-европейскихъ литературахъ, особенно въ нѣмецкой, имѣются для такихъ словъ особые словари; у насъ же эта область лексикографіи еще очень бѣдна и неудовлетворительна.

Собственныя имена, какъ личныя, напр. миѳологическихъ существъ, такъ и географическія, т. е. имена странъ, городовъ, рѣкъ, озеръ и т. д., въ словарь не вносятся, но имена крупныхъ этнографическихъ единицъ (напр. *англичанинъ*, *нѣмецъ*, *турокъ*) помѣщаются, такъ какъ подобныя имена, имѣющія множественное число, считаются нарицательными, почему и пишутся они безъ большой буквы. Прилагательныя отъ именъ странъ и народовъ (напр. *австрійскій*, *азіатскій*, *турецкій*) должны также найти мѣсто въ словарѣ.

Такимъ образомъ, каждое въ языкѣ существующее слово составленное по способу словообразованія и ходячее въ общеупотребительномъ письменномъ или разговорномъ языкѣ, хотя бы и заимствованное (за исключеніемъ собственныхъ именъ), заносится особо, въ своей прямой или заглавной формѣ, въ строго-алфавитномъ порядкѣ. Такой списокъ словъ самъ по себѣ составляетъ то, что французы называютъ *номенклатурой* словаря. Строго-алфавитный порядокъ расположенія словъ болѣе всякого другого отвѣчаетъ назначенію справочной книги, каковою долженъ быть словарь. Слова, встрѣчающіяся въ живой рѣчи или у писателей въ двоякомъ видѣ, ставятся въ каждой изъ обѣихъ формъ отдѣльно, но при менѣе употребительной или менѣе правильной дѣлается ссылка на другую. Когда во флексіи слово получаетъ форму, по которой трудно узнать основную, то оно помѣщается и въ первой.

Въ установленныхъ предѣлахъ содержанія словарь стремится къ возможной полнотѣ номенклатуры, пріумножаясь словами, недостающими въ прежнемъ изданіи, а также неологизмами, которыми въ послѣднія десятилѣтія обогатилась русская рѣчь по естественному ли ходу развитія языка, или вслѣдствіе многочисленныхъ преобразованій во всѣхъ почти отросляхъ общественнаго и государственнаго быта.

Надъ каждымъ словомъ, къ какой бы части рѣчи оно ни принадлежало, ставится знакъ ударенія; если во флексіяхъ акцентъ переходитъ на другой слогъ, то и это измѣненіе означается. Если два или три слова различнаго происхожденія, а слѣдовательно и различнаго значенія, имѣютъ одну и ту же форму (напр. *вырывать* отъ рвать и *вырывать* отъ рыть), то каждое изъ нихъ ставится отдѣльно съ помѣщаемою впереди крупною цифрою (1. 2. 3.).

Каждое слово сопровождается краткими грамматическими объясненіями: при существительныхъ обозначается родительный падежъ и родъ имени, когда образованіе множественнаго числа представляетъ какое-либо сомнѣніе относительно

формы слова или ударенія, то и оно указывается. Образованныя отъ первоначальной формы имени существительнаго, уменшительныя и увеличительныя, ласкательныя и унизительныя имена ставятся особо, ибо при разнообразіи формъ этихъ словъ, трудно иногда угадать способъ образованія. При именахъ существительныхъ, происходящихъ отъ прилагательныхъ, для краткости ставятся слова: *свойство* или *состояніе* отъ такого-то прилагательнаго (*вялость*, свойство отъ *вялый*); особыя опредѣленія въ этомъ случаѣ безполезны. При отглагольныхъ существительныхъ ставятся такимъ же образомъ слова: *дѣйствіе*, *состояніе* отъ глагола (*горѣніе*, отъ *горѣть* и т. п.). Существительныя женскаго рода, образованныя отъ мужескихъ, ставятся безъ объясненій при этихъ послѣднихъ.

При прилагательныхъ обозначаются окончанія родовъ. Прилагательныя, происходящія отъ существительныхъ, за исключеніемъ случаевъ, требующихъ особаго объясненія, помѣщаются съ обозначеніемъ: отъ такого-то существительнаго. Лично-притяжательныя прилагательныя не вносятся, такъ какъ образованіе ихъ совершенно одинаково, и большинство ихъ вышло изъ употребленія. Ставятся они лишь въ такомъ случаѣ, когда придаютъ опредѣляемому ими существительному особое значеніе (напр. *матушкинъ сынокъ*).

Глаголы ставятся особо въ каждомъ изъ такъ называемыхъ *видовъ*, при чемъ за основной принимается видъ *несовершенный* или *длительный;* рядомъ съ нимъ указываются также виды *совершенный*, *однократный* и *многократный*, при чемъ однакожъ приводится только такой *совершенный* видъ, который означаетъ просто окончаніе дѣйствія, а не различные оттѣнки его, отличаемые тѣмъ или другимъ предлогомъ. Къ неопредѣленному наклоненію присоединяются: *1-е лицо единственнаго числа*, какъ не всегда легко образуемое, и *3-е множественнаго*, по которому легко образовать 2-е и 3-е единственнаго и два первыя лица множественнаго, измѣняя *ю* и *у* на *е*, а *я* и *а* на *и*. Глаголы совершеннаго вида ставятся и отдѣльно съ означеніемъ ихъ основ-

ныхъ формъ (чего недоставало въ прежнемъ изданіи); глаголы однократные заносятся также отдѣльно, но ихъ основныя формы, какъ постоянно однообразныя, не приводятся; зато при этихъ глаголахъ указывается прошедшее изъявительнаго наклоненія, когда въ немъ слогъ *ну* отбрасывается (напр. *высохъ*, отъ *высохнуть* и т. п.). При глаголахъ означается залогъ, показывается управленіе, ставятся ударенія.

Изъ нарѣчій не помѣщаются такія, которыя по формѣ и по значенію сходны съ краткими прилагательными ср. р. исключая того случая, когда они отличаются либо значеніемъ, либо удареніемъ. При предлогахъ означается ихъ управленіе съ объясненіемъ примѣрами.

Вдаваться въ болѣе или менѣе сомнительныя сближенія первообразныхъ русскихъ словъ съ словами другихъ арійскихъ языковъ не входило въ планъ настоящаго словаря, равно какъ и приведеніе близкихъ къ нимъ по облику словъ другихъ славянскихъ нарѣчій. Такія сближенія дѣлаются только въ исключительныхъ случаяхъ, когда признаются нужными для лучшаго объясненія. Но при словахъ производныхъ и второобразныхъ, которыхъ составъ неясенъ, даются соотвѣтствующія объясненія, напр. при словѣ *выспренній* означается его отношеніе къ глаголу *парить* и образованіе при помощи предлоговъ *ис* и *въ* (въиспрь). Подобныя объясненія признаны особенно нужными при словахъ заимствованныхъ. Рѣчь идетъ конечно не о самыхъ древнихъ, не всегда объяснимыхъ заимствованіяхъ (особенно изъ восточныхъ языковъ), а о болѣе позднихъ и несомнѣнныхъ. Всякій, кто незнакомъ съ иностранными языками, чувствуетъ потребность знать не только значеніе подлиннаго слова, но и составъ его, первоначальное понятіе, изъ котораго оно возникло. Вотъ почему казалось не столь нужнымъ приводить каждый разъ подлинную форму иностраннаго слова, сколько показывать, изъ какихъ элементовъ оно составилось. Объясненія бываютъ болѣе или менѣе полныя, смотря по надобности. Есть множество словъ, которыя, происходя отъ одного несомнѣннаго корня, употребляются въ

различныхъ значеніяхъ, напр. *волна*, *вода*, *дворъ* и т. д. Каждое особое значеніе ихъ отмѣчается цифрою (1. 2. 3. 4) и при томъ, для большей наглядности, пишется въ новую строку. Когда историческое развитіе значенія слова ясно, то на первомъ мѣстѣ объясняется древнѣйшее, а затѣмъ послѣдовательныя его измѣненія. Но, къ сожалѣнію, въ рѣдкихъ только случаяхъ опредѣленіе развитія значеній такъ легко дается, большею частью оно составляетъ самую трудную задачу лексикографіи, и приходится либо основываться на однихъ предположеніяхъ, либо прямо довольствоваться однимъ разграниченіемъ различныхъ значеній, начиная съ самаго обычнаго въ настоящее время и не принимая на себя рѣшенія вопроса объ ихъ постепенномъ переходѣ.

Для лучшаго поясненія значенія слова необходимы примѣры. Примѣры могутъ состоять либо только въ пояснительномъ сочетаніи словъ, когда напр. при словѣ *великій* приводятся выраженія: *великое пространство*, *великій народъ*, *великій духъ*, либо въ болѣе обширныхъ фразахъ, заимствованныхъ изъ писателей, какъ прозаиковъ, такъ и поэтовъ, или изъ обыкновенной рѣчи. Въ прежнемъ академическомъ словарѣ выписки изъ книгъ дѣлались очень рѣдко, и притомъ большею частью изъ памятниковъ старинной письменности; при словахъ современнаго языка онѣ являлись случайно и заимствовались изъ весьма немногихъ писателей. Въ настоящемъ изданіи, напротивъ, такія извлеченія составляютъ весьма существенную часть его и источникомъ для нихъ служатъ всѣ наши первоклассные и нѣкоторые второстепенные писатели. Рядомъ съ примѣрами этого рода помѣщаются нерѣдко народныя поговорки и пословицы. Наконецъ не отвергаются и примѣры изъ обыкновенной разговорной рѣчи, которые заслуживаютъ полнаго довѣрія, когда они проходятъ черезъ цензуру общества ученыхъ и литераторовъ, между которыми есть и писатели съ авторитетомъ.

Кромѣ данныхъ, сообщаемыхъ при каждомъ словѣ, послѣ нѣкоторыхъ словъ помѣщаются особыя примѣчанія относительно формы, правописанія, происхожденія словъ, ихъ употребленія

и т. п. Общій характеръ словаря опредѣляется названіемъ практическаго. Отдѣленіе русскаго языка и словесности имѣло въ виду дать такой словарь, который отвѣчалъ бы потребностямъ людей образованнаго класса вообще, но къ которому могъ бы прибѣгать съ пользою и литераторъ и ученый.

Общій ходъ работъ надъ новымъ словаремъ былъ слѣдующій: положивъ начало этому дѣлу и принявъ на себя все его веденіе, главный редакторъ пригласилъ къ себѣ въ помощь двухъ молодыхъ ученыхъ, кончившихъ курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, Е. В. Пѣтухова и Н. А. Смирнова. Вмѣстѣ съ нимъ и по его указаніямъ они занимались подготовительною черновою работой. Имъ же и нѣкоторымъ другимъ лицамъ, между которыми слѣдуетъ особенно назвать питомца здѣшняго университета П. К. Симони и извѣстнаго П. В. Шейна, поручено было выписывать изъ писателей примѣры въ дополненіе къ приготовленнымъ уже прежде въ Отдѣленіи и къ дѣлавшимся самимъ редакторомъ выпискамъ. Составлявшіеся изъ этихъ матеріаловъ черновые листы словаря переводились на карточки, которыя затѣмъ не разъ пересматривались, дополнялись, отдѣлывались и затѣмъ передавались въ типографію. Послѣ новыхъ, часто значительныхъ прибавленій въ наборѣ редакторъ въ засѣданіяхъ Отдѣленія раздавалъ корректурные листы своимъ сочленамъ. Въ слѣдующемъ засѣданіи сообщались частью устныя, частью письменныя замѣчанія на просмотрѣнныя слова, и такимъ образомъ работа становилась предметомъ общаго обсужденія, въ которомъ постоянно принималъ участіе и Августѣйшій Президентъ Академіи, предварительно удостоивавшій также дѣлать замѣчанія на корректурныхъ листахъ. Затѣмъ, по занесеніи главнымъ редакторомъ въ текстъ словаря одобренныхъ Отдѣленіемъ исправленій, дополненій, а иногда и сокращеній, новые корректурные листы разсылались членамъ другихъ двухъ отдѣленій, а также и тѣмъ постороннимъ ученымъ, которые въ самомъ началѣ предпріятія съ полнымъ сочувствіемъ откликнулись на вызовъ Отдѣленія оказать ему помощь въ общеполезномъ дѣлѣ. Изъ академиковъ Фи-

зико-математическаго и Историко-филологическаго отдѣленій особенное участіе въ просмотрѣ и исправленіи словаря принимали: А. В. Гадолинъ (по физикѣ), Ѳ. Ѳ. Бейльштейнъ (по химіи и минералогіи), А. П. Карпинскій (по геологіи и минералогіи), А. А. Штраухъ, Л. И. Шренкъ и Ѳ. Д. Плеске (по зоологіи), К. С. Веселовскій (по разнымъ отраслямъ знанія), А. К. Наукъ и П. В. Никитинъ (по древне-классической литературѣ), В. В. Радловъ, К. Г. Залеманъ и баронъ В. Р. Розенъ (относительно словъ восточнаго происхожденія). Здѣсь же долженъ быть названъ помощникъ директора Физической Обсерваторіи, М. А. Рыкачевъ (по своей спеціальности). Внѣ Академіи, кромѣ вышеназванныхъ лицъ, постоянное содѣйствіе редактору чтеніемъ корректуръ и снабженіемъ ихъ своими замѣчаніями по разнымъ отраслямъ спеціальныхъ знаній оказывали: Ѳ. Ѳ. Веселаго, А. И. Вилькицкій и И. В. Будиловскій (по морскому дѣлу), Г. А. Лееръ и М. А. Газенкампфъ (по военной терминологіи), Н. Ѳ. Здекауеръ и Л. Ѳ. Змѣевъ (по врачебной наукѣ), А. Ѳ. Кони (по юридической части), протоіерей А. А. Лебедевъ (по языку церкви), И. В. Помяловскій (по классическимъ древностямъ), П. А. Костычевъ (по сельскому хозяйству), Я. П. Колубовскій (по философіи и психологіи), А. И. Савельевъ (по технической терминологіи вообще), М. И. Меліоранскій (по физіологіи растеній), А. И. Гольденбергъ (по математикѣ). Въ недавнее время къ числу этихъ лицъ присоединился М. С. Воронинъ, замѣнившій по части ботаники покойнаго К. И. Максимовича, о дѣятельномъ сотрудничествѣ котораго долгъ благодарности заставляетъ вспомнить съ особеннымъ сочувствіемъ. Сверхъ того доставлены были замѣчанія самаго разнообразнаго характера какъ названными лицами, такъ и слѣдующими: попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа академикомъ Н. А. Лавровскимъ, профессорами А. С. Будиловичемъ и К. Я. Гротомъ, барономъ Ѳ. Р. Остенъ-Сакеномъ (которому редакція обязана сверхъ того извлеченіемъ примѣровъ изъ писателей), С. И. Пономаревымъ и А. Н. Пыпинымъ. Вначалѣ участіе въ чтеніи корректуръ принимали также

Н. П. Собко, Ал. С. Фаминцынъ и Н. Я. Гротъ. Въ самое послѣднее время къ дѣлу примкнулъ Н. П. Некрасовъ. Въ окончательной корректурѣ и приготовленіи къ печати перваго выпуска постояннымъ и дѣятельнымъ помощникомъ главнаго редактора былъ упомянутый выше П. К. Симони. Особо должны быть съ признательностью поименованы: извѣстный своею опытностью въ лексикографіи П. А. Гильдебрандтъ, который оказалъ редакціи истинную услугу своими совѣтами относительно внѣшнихъ пріемовъ работы, между прочимъ устройства веденія дѣла на карточкахъ, и профессоръ славянскихъ нарѣчій въ Упсальскомъ университетѣ И. А. Лундéль, который, прочитывая съ величайшимъ вниманіемъ корректурные листы, указывалъ на такія дополненія въ объясненіяхъ значеній, потребность которыхъ могла быть замѣчена только изучающимъ языкъ иностранцемъ, но которыхъ польза и для русскихъ тѣмъ не менѣе неоспорима.

При такой сложности работа надъ словаремъ не могла конечно подвигаться быстро; несмотря на благопріятныя условія, при которыхъ она происходила, редакція не скрываетъ отъ себя, что въ трудѣ столь обширномъ и многообъемлющемъ неизбѣжны ошибки, недосмотры, пропуски, словомъ, недостатки всякаго рода. Вотъ почему, между прочимъ, вмѣсто того, чтобы издавать словарь по окончаніи всего труда, какъ поступали составители прежнихъ словарей, нынѣ принятъ порядокъ изданія по выпускамъ съ тою цѣлью, чтобы имѣть возможность воспользоваться для продолженія труда замѣчаніями, которыя могутъ быть вызваны появленіемъ 1-го выпуска. Притомъ изданіе по частямъ облегчитъ публикѣ пріобрѣтеніе словаря, а редакціи — веденіе работы.

Издаваемый Отдѣленіемъ подъ смотрѣніемъ ординарнаго академика А. Ѳ. Бычкова важный трудъ покойнаго И. И. Срезневскаго: «Матеріалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ», о которомъ говорено было въ отчетахъ за прошлые годы, продолжается печатаніемъ и скоро долженъ появиться второй его выпускъ, оканчивающійся буквою *З*.

Ординарный академикъ М. И. Сухомлиновъ окончилъ печатаніе перваго тома порученнаго ему Отдѣленіемъ критическаго изданія «Сочиненій М. В. Ломоносова». Въ этомъ томѣ заключаются стихотворенія съ 1738 (ода Фенелона) до 1751 года включительно. Академическое изданіе съ варіантами и примѣчаніями является первымъ ученымъ изданіемъ сочиненій Ломоносова, самый текстъ произведеній котораго только искажался въ изданіяхъ, слѣдовавшихъ за изданіемъ архим. Дамаскина 1778 г., имѣющимъ право считаться хорошимъ только по условіямъ того времени и не удовлетворяющимъ требованіямъ нашего. Необходимость въ новомъ изданіи сочиненій первоначальника русской литературы и русской науки чувствовалась давно; удовлетворить этому требованію должно новое изданіе. Въ основу этого изданія положены собственноручныя рукописи Ломоносова и первыя изданія его сочиненій. Собираніе и разысканіе тѣхъ и другихъ сопряжено было съ большими затрудненіями. Но чѣмъ болѣе усилій требовалось для этого, тѣмъ сильнѣе благодарность лицамъ, оказавшимъ издателю содѣйствіе. Такъ ординарный академикъ А. Ѳ. Бычковъ, В. М. Юзефовичъ и Г. В. Юдинъ сообщили издателю матеріалы печатные, а И. Н. Толстой — рукописные. Искреннее сочувствіе къ предпринятому труду выразилъ словомъ и дѣломъ В. М. Юзефовичъ. Онъ не только сообщилъ издателю изъ своего собранія книгъ тò, чтò особенно важно для его цѣли, но и принялъ дѣятельное участіе въ разыскиваніи первыхъ изданій, составляющихъ величайшую библіографическую рѣдкость. Благодаря его просвѣщенному посредничеству, М. И. Сухомлиновъ получилъ возможность пользоваться замѣчательными изданіями, принадлежащими почтенному библіографу Г. В. Юдину.

Не только собираніе первыхъ источниковъ, но и разыскиваніе данныхъ для ихъ объясненія представляло большія трудности особенно потому, что распредѣленіе рукописей по группамъ въ академическомъ архивѣ прошлаго столѣтія дѣлалось совершенно произвольно. Надписи на фоліантахъ съ обозначеніемъ года и мѣсяца, не только не облегчаютъ, а въ иныхъ случаяхъ весьма

затрудняютъ изслѣдователя: нерѣдко бумаги 40-хъ годовъ находятся въ фоліантахъ, отнесенныхъ къ 60-мъ годамъ, и т. п:

Архивныя разысканія были необходимы для избѣжанія невѣрныхъ выводовъ. Ломоносову пришлось по смерти нести отвѣтственность за мысли, которыя или не принадлежатъ ему, или не заключаютъ въ себѣ того смысла, какой придавали имъ критики-публицисты. Для примѣра можно указать на переписку Ломоносова по случаю полученнаго имъ предписанія—перевести хвалебные стихи Штелина съ нѣмецкаго языка на русскій. Ломоносовъ всячески отказывался отъ перевода нескладныхъ виршей, но ему приказано было перевести ихъ какъ можно скорѣе, и онъ долженъ былъ подчиниться рѣшительно высказанному требованію. Эта настойчивость въ навязываніи писателю недостойной его работы и умышленно плохой переводъ никуда негоднаго оригинала—весьма любопытныя черты былаго времени и тогдашнихъ нравовъ...

Ординарный Академикъ А. И. Веселовскій издалъ въ отчетномъ году свой переводъ Боккачіева «Декамерона». Въ этомъ переводѣ онъ старался сохранить архаическій характеръ изложенія и тѣмъ далъ возможность публикѣ познакомиться въ настоящемъ видѣ съ произведеніемъ, извѣстнымъ у насъ преимущественно по французскимъ приглаженнымъ переводамъ. Тексту предпослалъ переводчикъ краткое введеніе, главная цѣль котораго указать истинную точку зрѣнія на это собраніе новеллъ знаменитаго итальянскаго гуманиста. Плодомъ изученія эпохи ранняго «Возрожденія» явились пока два этюда нашего сочлена: «Учителя Боккачіо» (въ «Вѣстникѣ Европы») и «Король-книгочій» (въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія). Въ первомъ изображаются умственные интересы этого замѣчательнаго времени и затрогивается вопросъ о тогдашнихъ научныхъ отношеніяхъ Запада и Востока. Въ другомъ этюдѣ, представляющемъ любителя литературы Неаполитанскаго короля Карла-Роберта, изображается типъ литературнаго дилетанта той же поры умственнаго расцвѣта въ Италіи. Сверхъ того академикъ наблюдалъ за печата-

ніемъ новаго (Гроттоферратскаго) текста греческой поэмы о Дигенисѣ, который печатаетъ въ Сборникѣ II-го Отдѣленія Туринскій ученый Мюллеръ.

Ординарный академикъ И. В. Ягичъ продолжалъ въ изданіи нашего Отдѣленія печатаніе труда, посвященнаго обозрѣнію и собранію грамматическихъ сочиненій и статей XV, XVI и XVII ст., относящихся къ церковно-славянскому языку въ связи съ греческимъ и латинскимъ. Изданіе близится къ концу: напечатано до 40 листовъ. Въ отчетномъ году напечатаны главы 7, 8 этого изданія и печатается 9. Въ главѣ 7 помѣщены «Различныя статьи грамматическаго содержанія». Сюда вошли анонимныя статьи изъ русскихъ рукописныхъ сборниковъ XVI и XVII в., излагающія вопросы о разныхъ надстрочныхъ знакахъ, о правилахъ сокращенія и писанія подъ титлами, о знакахъ препинанія, о природѣ звуковъ гласныхъ и согласныхъ, о всевозможныхъ ихъ сочетаніяхъ, наконецъ о нѣкоторыхъ педагогическихъ пріемахъ, употреблявшихся въ то время при преподаваніи языка. Въ главѣ 8 напечатанъ по двумъ, взаимно другъ друга дополняющимъ, спискамъ русскій переводъ «Доната», извѣстнаго средневѣковаго руководства къ преподаванію латинскаго языка; сверхъ подлиннаго Доната въ переводѣ Дмитрія толмача въ русскомъ переводѣ оказались еще дополнительныя статьи синтаксическаго содержанія, находящіяся въ нюренбергскомъ изданіи Доната 1521 г. Переводомъ этимъ въ грамматическую теорію, развивавшуюся дотолѣ на почвѣ юго-славянской и русской подъ исключительнымъ византійскимъ вліяніемъ, внесена новая стихія— латинская. Въ 9, еще печатающуюся главу входитъ «Простословіе», сочинитель котораго, нѣкій Евдокимъ, жилъ во второй половинѣ XVI в. Въ «Простословіи» замѣтна попытка собрать въ одно цѣлое все, что авторъ нашелъ въ статьяхъ, вошедшихъ въ 7 главу изданія, и дополнить обширными извлеченіями изъ Доната. Такимъ образомъ главы эти являются естественнымъ дополненіемъ двухъ предыдущихъ. Послѣдняя 10 глава будетъ посвящена обозрѣнію и отчасти изданію грамматическихъ руко-

водствъ, бывшихъ на Руси въ ходу во время появленія первыхъ печатныхъ руководствъ (изданія такъ назыв. Дамаскинскихъ восьми частей словъ, сочиненій Адельфотиса и Зизанія), но раньше появленія грамматики Смотрицкаго — явленія, составляющаго естественный предѣлъ изданію И. В. Ягича.

Въ настоящемъ году И. В. Ягичъ оканчиваетъ другое порученное ему Отдѣленіемъ изданіе: двухъ важныхъ сочиненій чешскаго брата Хельчицкаго, начатое нѣсколько лѣтъ тому назадъ покойнымъ Ю. С. Анненковымъ. Какъ только окончится печатаніе Введенія, этотъ важный памятникъ древне-чешской литературы появится въ видѣ отдѣльнаго тома «Сборника».

Упомянутое въ отчетѣ за прошлый годъ сочиненіе И. В. Ягича «Очеркъ изъ славянскихъ древностей» продолжается печатаніемъ. И. В. Ягичъ, принимая по мѣрѣ возможности участіе въ трудахъ Академіи, представилъ въ отчетномъ году рецензію сочиненія пр. Соколова, представленнаго на Уваровскую премію. На основаніи этого разборъ авторъ получилъ половинную премію. Въ отчетѣ этомъ, кромѣ соображеній рецензента, вызванныхъ разбираемымъ сочиненіемъ, напечатанъ греческій текстъ апокрифа, оказавшійся неизвѣстнымъ дотолѣ источникомъ одного славянскаго текста, вошедшаго въ трудъ пр. Соколова.

За границею академикъ И. В. Ягичъ издалъ два сочиненія, о которыхъ упоминалось въ прошлогоднемъ отчетѣ: а) въ Вѣнѣ на латинскомъ языкѣ изслѣдованіе о глаголитскомъ служебникѣ герцога Гервога, вошедшее въ роскошное изданіе: «Missale glagoliticum Hervoiae»; b) въ Загребѣ на сербско-хорватскомъ языкѣ статутъ далматинской общины Полица, вошедшій въ изданіе Юго-Славянской Академіи: «Monumenta historico-iuridica Slavorum meridionalium», vol. IV. Въ Бѣлградѣ печатается на счетъ Сербской Академіи довольно богатый матеріалъ по тому отдѣлу церковно-славянской литературы, который до сихъ поръ у южныхъ славянъ почти не обращалъ на себя вниманія, тогда какъ въ Россіи давно уже было извѣстенъ. Дѣло идетъ о «Пчелахъ». Хотя полный текстъ русской «Пчелы» долженъ появиться

только въ ближайшемъ будущемъ, но памятникъ этотъ уже былъ предметомъ историко-литературнаго изученія. Академикъ И. В. Ягичъ могъ только отчасти коснуться этого вопроса на основаніи нѣкоторыхъ отрывковъ, доставленныхъ ему изъ Бѣлграда. Это сообщеніе привело къ тому, не подлежащему ни малѣйшему сомнѣнію, выводу, что въ этихъ отрывкахъ сохраняется тотъ же самый переводъ, который встрѣчается въ древнѣйшихъ спискахъ русской «Пчелы». Отрывки эти составляютъ только часть изданія памятниковъ, печатаемыхъ нашимъ сочленомъ въ Бѣлградѣ. Главное содержаніе этого изданія составляетъ: 1) довольно обширное собраніе моностиховъ, извѣстныхъ подъ именемъ Менандра. Основаніемъ для изданія послужилъ древнесербскій текстъ XIII—XIV в.; но въ бытность свою въ Москвѣ осенью истекающаго года издатель нашелъ два русскихъ списка XV и XVI в., которыми онъ дополнилъ пробѣлы основной рукописи. Изученіе этихъ рукописей убѣдило его въ томъ, что источникъ ихъ—южно-славянская компиляція, составленная повидимому въ Македоніи въ XII—XIII в. 2) Нѣсколько флорилогіевъ различнаго состава, найденныхъ въ сербскихъ рукописяхъ XIV—XVII в. Памятники эти, даже тамъ, гдѣ содержаніе ихъ совпадаетъ съ «Пчелою», представляютъ особый переводъ, откуда ясно, что въ сербской литературѣ XIV в., кромѣ перевода «Пчелы», существовалъ еще переводъ одного или нѣсколькихъ флорилогіевъ. До сихъ поръ еще не найдено греческой рукописи, вполнѣ соотвѣтствующей тексту сербскаго перевода. Трудъ этотъ долженъ появиться въ началѣ будущаго года.

Издаваемаго И. В. Ягичемъ журнала: «Archiv für slavische Philologie» вышло нѣсколько выпусковъ, изъ которыхъ послѣдній 2-й выпускъ XIV части. По почину Академика на основаніи его лекцій составленъ и помѣщенъ въ «Jahrbücher für protestantische Theologie» бѣглый очеркъ славянской апокрифической литературы подъ заглавіемъ «Bibliographische Uebersicht der biblisch-apokryphen Literatur bei den Slaven».

Ординарный Академикъ Н. С. Тихонравовъ продолжаетъ

печатаніе 6-го тома своего критическаго изданія «Сочиненій Гоголя», заключающаго въ себѣ новые тексты нѣкоторыхъ извѣстныхъ произведеній Гоголя и нѣсколько неизвѣстныхъ. Въ «Этнографическомъ Обозрѣніи» помѣстилъ онъ свою статью: «Пять былинъ по рукописямъ XVIII в.». Тексту предпослалъ онъ обстоятельное введеніе, въ которомъ не только описываетъ рукописи, гдѣ находятся издаваемые памятники, но указывается значеніе ихъ и приводитъ данныя о распространеніи въ обществѣ XVIII в. подобныхъ сборниковъ. Вопросъ этотъ еще мало затронутый въ нашей литературѣ, важенъ не только въ отношеніи къ изученію литературныхъ вкусовъ прошлаго времени, но и для исторіи народной эпической поэзіи. Вотъ почему Н. С. Тихонравовъ заканчиваетъ статью указаніемъ собирателямъ памятниковъ устной словесности на необходимость собирать и рукописныя тетради. Подъ редакціей Академика Тихонравова изданъ: «Сборникъ Общества Любителей русской словесности на 1891 г.», въ которомъ сверхъ доставленныхъ имъ текстовъ Гоголя: «Коляска» въ первоначальномъ видѣ и «Сборникъ словъ простонародныхъ, старинныхъ и малоупотребительныхъ, составленный И. В. Гоголемъ», помѣщена еще статья самого издателя: «Замѣтки о словарѣ, составленномъ Гоголемъ», заключающая въ себѣ указаніе на источники лексикологическихъ свѣдѣній Гоголя. Въ настоящее время Н. С. Тихонравовъ занятъ изученіемъ малоизвѣстныхъ сочиненій Фонвизина.

Академикъ Л. Н. Майковъ помѣстилъ въ «Сборникѣ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности» два своихъ труда: «Разсказы Нартова о Петрѣ В.» и двѣ главы «Матеріаловъ и изслѣдованій по старинной русской литературѣ» (II сказанія о Ильѣ Муромцѣ по рукописямъ XVIII в. и III повѣсти о князѣ Владимирѣ Киевскомъ и о богатыряхъ Киевъскихъ и о Михаилѣ Потокѣ Івановичѣ и царѣ Кащеяхъ Залатой арды»). Разсказы Нартова до сихъ поръ были извѣстны только по неполному изданію Погодина (въ «Москвитянинѣ»); обстоятельнаго изслѣдованія ихъ еще не было сдѣлано, хотя уже вы-

сказывалось подозрѣніе о заимствованіи нѣкоторыхъ изъ нихъ изъ литературныхъ источниковъ. Изслѣдованіе нашего сочлена показало, что издаваемый памятникъ подвергался позднѣйшей передѣлкѣ, что онъ былъ дополненъ по иностраннымъ источникамъ, тщательно указаннымъ въ примѣчаніяхъ къ новому изданію. Эти указанія способствуютъ опредѣленію времени передѣлки. Не ограничиваясь этими историко-литературными указаніями, издатель въ примѣчаніяхъ старался опредѣлить даты опысываемыхъ событій. Комментарій его можетъ съ большою пользою послужить будущему историку Петра В. Изданіе Л. Н. Майковымъ рукописнаго текста былинъ имѣетъ ту же цѣль, что и изданіе Н. С. Тихонравова. Въ предисловіи издатель описалъ списки былинъ и представилъ свои соображенія о переходѣ устнаго пересказа въ письменный текстъ. Л. Н. Майковъ продолжаетъ работать надъ порученнымъ ему критическимъ изданіемъ Пушкина и въ настоящее время занятъ главнымъ образомъ изученіемъ Пушкинскихъ рукописей, преимущественно же лирическихъ произведеній, которыми должно открыться изданіе.

Рѣдкій годъ приносилъ Отдѣленію русскаго языка и словесности столько скорбныхъ утратъ, какъ истекающій: изъ числа своихъ членовъ-корреспондентовъ Отдѣленіе не насчитываетъ четырехъ лицъ, высоко стоявшихъ въ литературѣ или наукѣ. 23-го февраля скончался патріархъ современныхъ славистовъ Францъ Миклошичъ, 15-го сентября Иванъ Александровичъ Гончаровъ, 22-го октября о. архимандритъ Леонидъ, намѣстникъ Троицко-Сергіевской Лавры, 29-го ноября профессоръ Харьковскаго университета Александръ Аѳонасьевичъ Потебня. Здѣсь не мѣсто подробно излагать біографіи покойныхъ, намъ слѣдуетъ ограничиться краткимъ припоминаніемъ.

Францъ Миклошичъ родился въ 1813 г. въ Луттенбергѣ въ Штиріи. По происхожденію онъ словѣнецъ, соплеменникъ знаменитаго Копитара. Учился онъ въ Грацѣ, а потомъ въ Вѣнѣ. Сначала онъ готовилъ себя къ поприщу юриста, но сбли-

зившись съ Копитаромъ, бывшимъ тогда директоромъ придворной библіотеки въ Вѣнѣ, и получивъ тамъ мѣсто, онъ предался занятіямъ славяновѣдѣніемъ. Время молодости Миклошича было ознаменовано славянскимъ возрожденіемъ, сказавшимся на его родинѣ такъ называемымъ иллиризмомъ, принесшимъ свой плодъ въ пробужденіи славянскаго сознанія и въ литературномъ сближеніи Сербовъ и Хорватовъ. Миклошичъ остался чуждъ панславистическимъ стремленіямъ Иллировъ (впослѣдствіи переименовавшихся въ Юго-славянъ). И по своему характеру и по вліянію учителя своего Копитара онъ остался чистымъ ученымъ, несмотря на дружбу съ своимъ землякомъ, поэтомъ Станко Вразомъ, однимъ изъ первыхъ представителей иллиризма. Миклошичъ отстранялся отъ политической дѣятельности и, когда его выбрали въ учредительное собраніе, отказавшись отъ званія представителя, онъ предпочелъ занять каѳедру славянскихъ нарѣчій въ Вѣнскомъ университетѣ (1850 г.). Только позднѣе занялъ онъ мѣсто въ Вѣнской палатѣ господъ; но тогда время было спокойное. Здѣсь онъ ознаменовалъ себя высокимъ подвигомъ, торжественно заявивъ свое сочувствіе къ Делингеру и старо-католикамъ. Отказавшись отъ политической дѣятельности, Миклошичъ принесъ своими трудами громадную и несомнѣнную пользу славянскому сознанію, давая грамматическія и лексическія основы сближенію славянъ между собою. Труды его, отчасти и потому, что они выходили на нѣмецкомъ языкѣ, вводили языки славянскіе въ общій оборотъ лингвистическихъ изслѣдованій и тѣмъ расширяли самое языкознаніе. Его путешествія по Германіи, Франціи, Италіи и Турціи ввели его въ общеніе съ выдающимися учеными тѣхъ странъ, гдѣ существуетъ наука, и обогатили его свѣдѣніями въ славянскихъ нарѣчіяхъ тамъ, гдѣ ея нѣтъ. Его познанія было чрезвычайно обширны: кромѣ главныхъ языковъ Европы, онъ изучилъ еще языки румынскій, литовскій, албанскій и новогреческій съ цѣлію опредѣлить ихъ отношенія къ языкамъ славянскимъ. Живого русскаго языка онъ не изучилъ и—говорять—выражалъ сожа-

лѣніе объ этомъ. Труды Миклошича отличаются большой выдержанностію, необыкновенной основательностью и богатствомъ фактическаго содержанія. Въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ типъ ученыхъ стараго времени, первоначальниковъ наукъ филологическихъ. Критика, вѣроятно, опредѣлитъ его отношеніе къ его великимъ предшественникамъ и точнѣе обозначитъ его мѣсто между ними; но то несомнѣнно, что долго труды его будутъ служить исходнымъ пунктомъ для людей, посвящающихъ себя славяновѣдѣнію. Имя его сдѣлалось извѣстнымъ съ появленія въ Wiener Jahrbüchern статей о грамматикѣ Бопа (въ 1844) и Востоковскомъ изданіи Остромирова Евангелія (въ 1847); съ тѣхъ поръ начинается длинный рядъ его изданій, посвященныхъ главнымъ образомъ словарю и грамматикѣ славянскихъ нарѣчій. Словарь старославянскаго языка долго занималъ Миклошича: въ 1845 г. вышелъ его первый трудъ въ этомъ направленіи: Radices linguae slovenicae veteris dialecti, впослѣдствіи переработанный въ Lexicon linguae slovenicae veteris dialecti (1852 г.), а наконецъ въ Lexicon palaeo-slovenico-latino-graecum (1862—66). Всѣмъ занимающимся древнеславянской письменностью приходится пользоваться этимъ трудомъ, и всѣ согласны въ томъ, что если критика и можетъ указать въ немъ недостатки, то все-таки должна признать его самымъ полнымъ изъ существующихъ словарей. Также важенъ другой трудъ покойнаго: Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen (1886), перечень славянскихъ корней съ показаніемъ ихъ видоизмѣненій по нарѣчіямъ. Наконецъ подъ редакціей Миклошича изданъ на средства покойнаго Принца Ольденбургскаго «Словарь русско-церковно-славянско-болгарско-сербско-польско-французско-нѣмецкій» (1885), долженствующій сильно подвинуть изученіе русскаго языка у славянъ западныхъ и южныхъ. Также усердно и плодотворно занимался Миклошичъ сравнительной грамматикой славянскихъ языковъ. Въ 1851 г. издалъ онъ ученіе о звукахъ (Lautlehre); въ 1854 ученіе о формахъ (Formenlehre). Затѣмъ въ продолженіе многихъ лѣтъ онъ помѣщалъ въ разныхъ журналахъ моно-

графическія работы по грамматическимъ вопросамъ. Наконецъ издалъ онъ въ четырехъ томахъ Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen (окончено изданіе въ 1884 г.), куда вошли въ передѣлкѣ всѣ предшествовавшія работы. Здѣсь онъ не только изслѣдовалъ словообразованіе, звуки и флексіи, но и клалъ основы изученію синтаксиса. Такой громадный трудъ конечно не могъ не имѣть недостатковъ; но предпринятый однимъ человѣкомъ, которому не разъ приходилось работать по вопросамъ, еще необслѣдованнымъ, онъ не можетъ не возбуждать удивленія. Не ограничиваясь работами грамматическими и словарными, Миклошичъ изрѣдка занимался изслѣдованіями и по другимъ отраслямъ славяновѣдѣнія: писалъ о руссаліяхъ, о южно-славянской поэзіи, о кровной мести и т. д. издавалъ много памятниковъ, между прочимъ лѣтопись Нестора, Acta et diplomata Graeca Medii aevi (съ Миллеромъ 6 т.), заключающія въ себѣ архивные матеріалы по исторіи Константинопольскаго патріархата, собраніе чрезвычайно важное для русской исторіи, Monumenta Serbica, Slavische Bibliothek и т. д. Такова многолѣтняя плодотворная дѣятельность знаменитаго слависта. Нельзя не прибавить, что тамъ даже, гдѣ мнѣнія его могутъ быть оспариваемы (напр. мнѣніе о Панонскомъ происхожденіи церковно-славянскаго языка), они будятъ мысль и наводятъ на новыя соображенія. Въ заключеніе не можемъ не повторить словъ ученика и преемника Миклошича, нашего почтеннаго сочлена И. В. Ягича: «Да носится духъ безсмертной дѣятельности Миклошича надъ его учениками и послѣдователями и да воодушевляетъ ихъ къ плодотворному занятію наукой и единодушной работѣ».

Въ Иванѣ Александровичѣ Гончаровѣ русская литература лишилась великаго мастера слова, вѣрнаго преданіямъ того времени, когда литературныя произведенія вынашивались годами, когда еще живъ былъ въ сознаніи принципъ Горація: nonumque prematur in annum. Такъ творилъ Гоголь. Не такъ къ сожалѣнію творилъ Достоевскій, одинъ изъ величайшихъ представителей русскаго духа. Въ подобномъ пріемѣ есть и своя слабая

сторона: пользуясь имъ художникъ создается немного количественно. Это случилось и съ Гончаровымъ: онъ оставилъ намъ три романа, путешествіе и нѣсколько этюдовъ. Но этимъ романамъ (по крайней мѣрѣ одному изъ нихъ) суждена долгая жизнь: Обломова ждетъ участь Жилблаза, Томъ Джонса. Изящество его изложенія, психологическая и историческая вѣрность характера его героя обѣщаютъ ему немерцающую славу. Нужды нѣтъ, что та обстановка, въ которой родился и жилъ Обломовъ, теперь уже отошла въ область преданій, она такъ ярко изображена, что не только теперь, когда еще существуютъ отголоски этой старой жизни, но даже позднѣе, когда она будетъ лишь историческимъ фактомъ, романъ сохранитъ свой интересъ. Обломовъ сталъ типомъ, образовалось даже слово *обломовщина*, значеніе котораго всѣмъ понятно. Казалось бы, что такъ долго не можетъ жить романъ, герой котораго, какъ Обломовъ, представитель извѣстнаго времени и извѣстной обстановки — русской провинціальной жизни въ пору крѣпостнаго права, той жизни, которая памятна еще многимъ изъ теперь живущихъ и ярко изображается въ воспоминаніяхъ самого Гончарова, Ѳ. И. Буслаева, А. Д. Галахова и т. д. Казалось бы, стало быть, что такое произведеніе должно сохранить только историческое значеніе, но такъ можно заключить лишь съ перваго взгляда: художникъ глубже заглянулъ въ своего героя; онъ съумѣлъ надѣлить его типичными чертами, съумѣлъ возбудить въ читателѣ сочувствіе къ этому чистому человѣку, къ этому, по замѣчанію одного критика 60-мъ годовъ, поэту въ душѣ. Обломовъ не Адуевъ «Обыкновенной исторіи», у котораго все напускное и прививное, а потому и карикатурное; но Обломовъ и не Тентетниковъ, который ближе подходитъ къ «лишнимъ людямъ» Тургенева, чѣмъ къ Обломову. Тентетниковъ къ чему-то стремится, чего-то ищетъ; Обломовъ ничего не ищетъ; Тентетниковъ не умѣетъ выносить мелкихъ неудачъ, не умѣетъ устраивать жизни, но передъ нимъ всетаки носится идеалъ дѣятельности, ему упрекомъ звучатъ слова его идеальнаго учителя; Обломовъ просто тяготится всякой дѣятельностью; но конечно и въ Обломовѣ

нельзя искать того полнаго примиренія съ жизнью, какое замѣчается въ Пушкинскомъ Бѣлкинѣ, который весь погружается въ свои литературныя работы, напоминая этимъ до нѣкоторой степени А. Т. Болотова. Обломовъ все же затронутъ цивилизаціей, все же считаетъ нужнымъ хоть иногда стыдиться своей лѣни. Критикъ 60-хъ годовъ въ своемъ увлеченіи провозгласилъ обломовщину типическимъ образомъ Россіи. Въ подобномъ представленіи много неправды: въ то время, когда создавался Обломовъ, когда картина сна Обломова была вѣрна для многихъ и многихъ помѣщичьихъ усадьбъ, — были и другіе люди, были доблестные воины, были вдохновенные профессора, были кружки литературные, были и такіе оазисы, какіе такъ художественно описалъ Б. Н. Чичеринъ въ воспоминаніяхъ о своемъ отцѣ и его друзьяхъ. Странно вообще считать Обломова исключительнымъ представителемъ того народа, который создалъ громадное государство и съумѣлъ защитить себя отъ величайшаго завоевателя міра, народа, создавшаго такую художественную литературу, которой теперь дивятся всѣ другіе народы. Нѣтъ такая мысль могла придти въ голову только въ полемическомъ задорѣ. Быть можетъ художественное сопоставленіе Русскаго съ Англичаниномъ, встрѣчающееся на первыхъ страницахъ «Фрегата Паллады», нѣсколько способствовало появленію подобнаго комментарія къ Обломову. Самъ авторъ, толкуя свои произведенія въ статьѣ: «Лучше поздно, чѣмъ никогда», видитъ въ «Обломовѣ» сонъ, храненіе стараго; а въ «Обрывѣ»—пробужденіе, тревожное появленіе чего-то новаго, сказавшееся и въ дилетантской натурѣ Райскаго и въ исканіяхъ Вѣры и въ темномъ сознаніи бабушки, что старое пошатнулось. Здѣсь близость времени нѣсколько скрадываетъ историческую перспективу: нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что 60-е года принесли много новаго въ города и веси нашей обширной земли и что, какъ всегда бываетъ въ эпохи переломовъ, не все новое вело ко благу и не все передавалось и понималось ясно и опредѣленно; но не все въ этомъ новомъ было ново для сознанія мыслящихъ людей, которые могли ко-

нечно недоумѣвать передъ явленіями, вызванными вторженіемъ этого новаго въ среду, ни о чемъ недумавшую и жившую по рутинѣ, но которые, если и безсильны были остановить ходъ жизни, то ясно представляли себѣ, что отступленіе дѣло временное, что жизнь выйдетъ на правильный путь, въ чемъ теперь и сомнѣнія быть не можетъ. Нѣтъ, Обломовъ конечно типъ русскій и притомъ одинъ изъ самыхъ кряжевыхъ, въ оболочкѣ извѣстной эпохи и извѣстнаго слоя общества, но никакъ не олицетвореніе Россіи въ какую бы то не было эпоху. Какъ художественный типъ Обломовъ будетъ безсмертенъ, но такого толкованія, какое давали ему когда-то, исторія литературы не повторитъ. Во время его появленія было иное: Обломовъ вызвалъ горячіе споры, ибо были критики, искавшіе въ романѣ обличенія, нападавшіе съ негодованіемъ на Обломова, какъ на живое лицо, были и другіе, стоявшіе за Обломова. Такова сила великаго таланта: передъ читателемъ стоитъ живое лицо, которое онъ или любитъ или ненавидитъ и разсуждаетъ объ его дѣйствіяхъ, какъ о дѣйствіяхъ своихъ знакомыхъ. Типы художника, по мѣткому выраженію Бѣлинскаго, «кафтаны, сшитые по плечу многихъ». Теперь мы можемъ стать на историческую точку зрѣнія и объяснять успѣхъ или неуспѣхъ произведенія условіями времени: «Обломовъ» появился въ тѣ минуты, когда начиналось преобразовательное движеніе и вызвалъ къ себѣ усиленное вниманіе; быть можетъ вѣянія времени отозвались и на настроеніе автора, хотя романъ задуманъ и начатъ за долго, но вѣянія уже были въ воздухѣ. Самъ авторъ, знатокъ провинціальнаго быта, который онъ наблюдалъ въ своемъ дѣтствѣ и молодости, необычайно ярко изобразилъ его въ своихъ романахъ; но по своимъ взглядамъ, онъ не могъ остановиться на объективномъ его изображеніи: недѣятельности провинціальной жизни онъ противопоставилъ въ своихъ романахъ практическую дѣятельность въ лицахъ дяди Адуева и Штольца. Оба эти лица не представляются критикѣ достаточно яркими вѣроятнѣе всего потому, что въ нихъ видѣли тенденціозную противоположность романтику А. Адуеву и халатному помѣ-

щику—Обломову, но сами по себѣ они и живы и даже поучительны: практическій Петръ Ивановичъ не съумѣлъ устроить своей жизни, да едва ли и Ольга была счастлива съ Штольцемъ. При появленіи «Обыкновенной Исторіи» большинство читающихъ стало на сторонѣ дяди. То было время отрицанія и даже осмѣянія романтизма, который еще такъ недавно господствовалъ, смѣнивъ собою сентиментализмъ предшествующей эпохи. Замѣчательно, что и въ молодомъ поколѣніи конца 40-хъ годовъ, романъ именно этою стороною имѣлъ огромный успѣхъ. Преслѣдованіе романтизма началъ Бѣлинскій, самъ по природѣ идеалистъ и даже романтикъ. Привѣтствуя «Обыкновенную Исторію» и осудивъ, конечно, Александра, Бѣлинскій сопоставлялъ Гончарова съ Герценомъ и видѣлъ въ первомъ исключительно художника. Дѣйствительно художникъ по кореннымъ своимъ свойствамъ, Гончаровъ однако былъ и моралистъ. Конечно, онъ мыслилъ образами, какъ самъ признается; но мышленіе его носило свой отличительный характеръ: онъ явно имѣлъ въ виду осужденіе однихъ и оправданіе другихъ, хотя его искренность мѣшала ему идеализировать излюбленные типы; тоже свойство его природы было причиною, что Обломовъ вышелъ всетаки въ поэтическомъ освѣщеніи. Третій романъ Гончарова «Обрывъ», много пострадалъ отъ того, что онъ долго писался: лицо Волохова задумано при иныхъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, при которыхъ оно исполнено. Типъ видоизмѣнялся, а авторъ желалъ всѣ измѣненія сохранить въ одномъ лицѣ, оттого оно вышло непохожимъ на первоначальный типъ, ни на послѣдующія. Вотъ почему романъ, представляющій много художественныхъ подробностей и ярко обрисованныхъ лицъ (хотя бы лицо бабушки), не имѣлъ ни распространенія, ни вліянія, подобнаго первымъ. Тѣмъ не менѣе не справедливо мнѣніе автора, что изъ его произведеній переживетъ только «Фрегатъ Паллады». Правда конечно что яркія картины природы дальнаго Юга и Востока, живые, полные юмора и наблюдательности очерки жизни на кораблѣ будутъ постоянно любимымъ чтеніемъ не одного только юношества, для котораго эта книга чрезвычайно полезна. Кто-

помнитъ время появленія этихъ очерковъ, тотъ знаетъ, съ какимъ восторгомъ ихъ привѣтствовали люди самые интелигентные: Кудрявцевъ не могъ безъ воодушевленія говорить объ описаніи Ликейскихъ острововъ.

Внѣшняя жизнь Гончарова разсказана въ многочисленныхъ некрологахъ и достаточно извѣстна. Свое развитіе онъ изложилъ въ трехъ очеркахъ: «На Волгѣ», гдѣ описано его дѣтство подъ видомъ изображенія жизни Симбирскихъ помѣщиковъ, «Въ Университетѣ» и «На родинѣ». Въ этомъ послѣднемъ очеркѣ авторъ оговаривается, что онъ пишетъ скорѣе не то, что *было*, а что *бывало*, и очевидно не выставляетъ настоящихъ именъ. Въ этомъ нельзя не видѣть осторожности, внушившей Гончарову его статью «Нарушеніе воли», въ которой онъ старается оградить свою память отъ біографовъ и библіографовъ. Нельзя не пожалѣть, что онъ неоставилъ послѣ себя Записокъ, въ которыхъ съ своей мѣткой наблюдательностью, съ своимъ здравымъ критическимъ умомъ, такъ очевидно выразившимся въ его разборѣ «Горе отъ ума» («Милліонъ терзаній»), провелъ бы передъ публикою рядъ не только своихъ знакомыхъ молодости и своихъ «Слугъ» (извѣстные этюды, появившіеся первоначально въ «Нивѣ»), но и всѣхъ лицъ, съ которыми приходилъ въ сношеніе въ теченіе своей долгой почти 80-ти лѣтней жизни (р. въ 1812 г.). Этого онъ не сдѣлалъ, но по крайней мѣрѣ можно надѣяться, что люди, его знавшіе, не поскупятся на воспоминанія, пока мы имѣемъ только краткія замѣтки въ «Вѣстникѣ Европы».

О. архимандритъ Леонидъ, намѣстникъ Троицко-Сергіевской Лавры, въ мірѣ Левъ Александровичъ Кавелинъ, происходилъ изъ дворянъ, родился въ 1822 г. въ имѣніи отца своего Александра Александровича, деревни Гривѣ (Калужской губерніи, Козельскаго уѣзда) и былъ двоюроднымъ братомъ извѣстнаго профессора Константина Дмитріевича Кавелина. Воспитывался онъ въ 1-мъ Московскомъ корпусѣ, о которомъ сохранялъ всегда теплое воспоминаніе, что видно изъ статей его въ «Древней и Новой Россіи» (1879) и «Русскомъ Архивѣ» (1878). Въ 1878 г.,

когда праздновался юбилей корпуса, о. архимандритъ совершалъ въ его церкви торжественное богослуженіе. Еще кадетомъ присутствовалъ онъ на «Бородинской годовщинѣ»; сдѣланное имъ описаніе маневровъ тогда-же было напечатано въ «Журналѣ для чтенія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній». По выходѣ изъ корпуса Кавелинъ поступилъ на службу въ лейбъ-гвардіи Волынскій полкъ, въ которомъ служилъ двѣнадцать лѣтъ и вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана (1852). Еще въ эти годы молодой гвардейскій офицеръ отличался строго-религіознымъ направленіемъ, что было причиною его сближенія съ С. О. Бурачкомъ (редакторомъ «Маяка») и А. П. Башуцкимъ (редакторомъ «Иллюстраціи»). Въ журналахъ этихъ писателей появлялись произведенія Кавелина; одно изъ напечатанныхъ имъ тогда стихотвореній перепечатано въ 1889 г. въ «Русской Старинѣ». Не только чисто-литературныя произведенія сообщалъ онъ въ эти журналы, но также и статьи историческія (напр. въ «Маякѣ» о планѣ древней Казани), этнографическія (напр. «Изслѣдованіе народныхъ преданій Малороссіи», «Гаданія малороссійскаго народа» тоже въ «Маякѣ») и духовно-нравственныя («Враждебныя дѣйствія злыхъ духовъ противъ человѣка» тамже). Разнообразіе статей свидѣтельствуетъ о разнообразіи умственныхъ интересовъ,—явленіе не особенно частое въ тогдашнемъ обществѣ. Въ 1862 г., оставивъ службу, Кавелинъ удалился въ извѣстную Оптину пустынь, столь привлекательную для глубоко-религіозныхъ душъ: подъ вліяніемъ мудрыхъ старцевъ этой обители духовно-воспитался И. В. Киреевскій, въ ней позднѣе нашелъ себѣ убѣжище кроткій сердцемъ Карлъ Зедергольмъ (принявшій сначала православіе, а потомъ постригшійся подъ именемъ о. Климента). Родственникъ о. Леонида проф. Корсаковъ свидѣтельствуетъ, что причины постриженія его неизвѣстны. Можно кажется предположить, что главными изъ нихъ были глубокое религіозное настроеніе и возможность работать въ любимомъ направленіи въ сообществѣ сочувствующихъ людей. Поступилъ онъ послушникомъ подъ строгое начало начальника Оптинскаго

скита іеросхимонаха Макарія, котораго въ 1860 г. помянулъ онъ брошюрою: «Послѣднія дни оптинскаго старца, іеросхимонаха Макарія». Въ 1857 г. онъ постригся подъ именемъ Леонида. «Историческое описаніе Козельской Введенской Оптинской пустыни» и «Историческое описаніе скита во имя св. Іоанна Предтечи, находящагося при Козельской Введенской пустыни», оба изданные впервые въ 1853 г., были данью дорогой для него обители. Здѣсь же перевелъ онъ съ церковно-славянскаго и издалъ: «Сочиненія Паисія Величковскаго», «Вопросы и отвѣты старцевъ Пафнутія и Іоанна» и «Поученія преподобнаго Аввы Дороѳея». Въ 1857 г. о. Леонидъ вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ по литературнымъ работамъ о. Ювеналіемъ, назначенъ былъ членомъ миссіи, отправлявшейся въ Іерусалимъ, подъ начальствомъ Кирилла, епископа Мелитопольскаго. Въ Іерусалимѣ пробылъ онъ два года; на возвратномъ пути посѣтилъ Аѳонъ. Съ этихъ поръ идетъ его знакомство съ святынями православнаго Востока, изученію которыхъ онъ посвятилъ много труда. Возвратясь въ Оптину пустынь, онъ скоро потерялъ и о. Макарія и свою мать. Въ 1864 г. онъ снова поѣхалъ въ Іерусалимъ, уже начальникомъ миссіи въ санѣ архимандрита. Съ 1865 по 1869 г. былъ онъ настоятелемъ посольской церкви въ Константинополѣ. Съ 1869 по 1877 г. настоятелемъ знаменитаго Воскресенскаго монастыря, болѣе извѣстнаго подъ именемъ «Новаго Іерусалима»; въ 1877 г. назначенъ намѣстникомъ Троицко-Сергіевской Лавры. Нигдѣ не оставлялъ его интересъ къ ученымъ занятіямъ, который онъ постоянно умѣлъ соединять съ строгимъ исполненіемъ своихъ обязанностей и неуклоннымъ стремленіемъ поддерживать высоту духовной жизни во ввѣренныхъ ему обителяхъ. Проф. Корсаковъ, близкій родственникъ усопшаго, свидѣтельствуетъ (въ некрологѣ см. Ж. М. Н. Пр., 1891 г., № 12), что онъ былъ привѣтливъ, ласковъ и общителенъ въ сочувственномъ ему кругѣ, былъ врагомъ внѣшней пышности и стойкимъ охранителемъ интересовъ церкви. Къ числу друзей о. Леонида принадлежали многіе ученые (О. М. Бодянскій, И. И. Срезневскій и

др.). Въ своихъ ученыхъ трудахъ о. архимандритъ, по мѣткому замѣчанію пр. Корсакова, былъ автодидактомъ и примыкалъ къ группѣ старыхъ археологовъ, которыхъ Н. П. Барсуковъ описалъ подъ названіемъ палеологовъ; еще ближе, по замѣчанію некролога, примыкалъ онъ къ той группѣ, которую представляли у насъ митр. Евгеній, пр. Филаретъ Харьковскій и другіе. Литературная дѣятельность о. Леонида была чрезвычайно обширна: пр. Корсаковъ насчитываетъ въ приложенномъ къ некрологу спискѣ 177 трудовъ большихъ и малыхъ; другіе считаютъ болѣе, что должно быть вѣрнѣе, ибо многія статьи появлялись или безъ подписи или подъ инициалами. Д. Д. Языковъ заявилъ въ «Новомъ Времени», что онъ готовитъ къ печати возможно полный списокъ трудовъ усопшаго.

Труды о. архимандрита отличаются неутомимою изыскательностію и поражаютъ обширностію свѣдѣній; внѣшней формою они неблистаютъ: усопшій никогда не искалъ внѣшняго блеска; но за то каждый, обращающійся къ этимъ трудамъ, найдетъ въ нихъ много новаго, важнаго и полезнаго, даже такія статьи, которыя (какъ напр. «Откуда родомъ была кн. Ольга» въ «Русск. Старинѣ» 1888) могутъ возбуждать споръ, любопытны тѣмъ, что привлекаютъ вниманіе, побуждаютъ къ новымъ изслѣдованіямъ и наводятъ на новыя соображенія. Труды о. архимандрита, кромѣ юношескихъ произведеній и статей духовно-нравственныхъ, важныхъ преимущественно для его біографіи, могутъ быть распредѣлены по слѣдующимъ отдѣламъ: ученыя изслѣдованія, описаніе рукописей и изданія памятниковъ. Между изслѣдованіями первое мѣсто занимаютъ церковно-историческія изслѣдованія и описанія монастырей. Таковы между прочимъ «Церковно-историческое изслѣдованіе о древней области Вятичей, входившей съ начала XV до конца XVIII столѣтія въ составъ Крутицкой и частію Суздальской эпархій» («Чт. въ общ. ист. и древн.» 1862, № 2). Этотъ обширный трудъ заключаетъ въ себѣ множество любопытныхъ свѣдѣній, изложенныхъ въ сжатой формѣ. Читатель находитъ здѣсь исторію земли Вятичей до XV в. Исторію эпархій Крутицкой и

Суздальской съ очеркомъ біографій іерарховъ, свѣдѣнія о монастыряхъ и т. д. Авторъ обращаетъ вниманіе не только на памятники письменные и вещественные, но указываетъ и народные обычаи, остатки языческой древности. Къ этому изслѣдованію примыкаетъ другое: «Церковно-историческое описаніе упраздненныхъ монастырей Калужской эпархіи» (Чт. въ общ. ист.» 1863, № 1). Это описаніе составлено главнымъ образомъ по сохранившимся актамъ и рукописямъ этихъ монастырей; оно представляетъ любопытныя данныя для исторіи монастырскаго землевладѣнія, для исторіи дворянскихъ родовъ (имена которыхъ сохранены въ синодикахъ) и для археологіи. Въ Чт. общ. ист. за 1874 и 1875 гг. помѣщена обстоятельная «Исторія Воскресенскаго Ново-Іерусалимскаго монастыря», ограничивающихся XVII в., но дающая самыя полныя свѣдѣнія объ историческихъ событіяхъ (такъ важно все, что касается Никона, къ памяти котораго благоговѣлъ усопшій, издавшій вновь Шушеринское «Житіе»), о сохранившихся предметахъ ризницы, книгахъ и рукописяхъ, при чемъ дѣлается сличеніе старыхъ описей съ наличнымъ состояніемъ, о земельныхъ владѣніяхъ монастыря и т. п. Описанія Троицкой Лавры о. архимандритъ не сдѣлалъ, но переиздалъ въ «Чт. общ. ист.» за 1878 и 1879 гг. извѣстный трудъ Горскаго, снабдивъ его своими приложеніями. Занимаясь разными вопросами, по мѣрѣ нахожденія новыхъ матеріаловъ (таково напр. изслѣдованіе объ Ольгѣ, о которой мы уже упоминали, о Сильвестрѣ (въ «Чт. общ. ист.» 1874), составляющее дополненіе къ изслѣдованію Голохвостова и т. д.), о. Леонидъ съ особенною любовью останавливался на отношеніи Россіи къ юго-славянскимъ землямъ и православному Востоку. Укажемъ здѣсь на его статьи о Кипріанѣ митрополитѣ (въ Чт. общ. ист. 1867), о Хиландарѣ въ его отношеніяхъ къ церквамъ сербской и русской (тамъ же), о ханѣ Ногаѣ по источникамъ южно-славянскимъ (тамъ же, 1869) и т. д. Историко-литературныя изслѣдованія арх. Леонида не могутъ не обратить на себя вниманія историковъ литературы, они частью помѣщаются въ предисловіяхъ къ издаваемымъ имъ памятни-

камъ, а частью отдѣльно. Между ними первое мѣсто занимаетъ краткое, но неоцѣнимое по важности своей изслѣдованіе «Библіографическія разысканія въ области древнѣйшаго періода славянской письменности» («Чт. въ общ. ист. 1890, № 8). Здѣсь встрѣчаемъ необыкновенно важныя замѣчанія о времени перевода книгъ св. Писанія и богослужебныхъ. Сюда же по праву принадлежатъ описанія рукописей (монастырей и церквей Калужской эпархіи въ «Чт. общ. ист.» 1865, № 4 Воскресенскаго монастыря *тамже* 1871, № 1; поступившихъ въ Московскую Духовную Академію изъ библіотеки лавры тамже 1882—85 и т. д.). Замѣтки при описаніяхъ рукописей свидѣтельствуютъ объ обширной начитанности и критической проницательности составителя. Послѣдніе годы о. Леонидъ занятъ былъ описаніемъ рукописей гр. Уварова, въ которыхъ сдѣлалъ нѣсколько интересныхъ находокъ. Ученый изслѣдователь не только пользовался рукописями и описывалъ ихъ, но и издалъ много важныхъ памятниковъ, сопровождая изданіе своими предисловіями и иногда примѣчаніями (такъ напр. полезны его топографическія и иныя примѣчанія въ изданію паломниковъ, главнымъ образомъ сдѣланному на основаніи Сахарова въ «Чт. общ. ист.» 1871, № 1). Укажемъ на нѣкоторыя изъ изданныхъ имъ памятниковъ: «Паломники-писатели петровскаго и послѣ петровскаго періода» («Чт. въ общ. ист.» 1873, № 3), «Пелигринація или путникъ Іерусалимскій Иполита Вишѣнскаго», 1709 («Чт. общ. ист.» 1876, № 4), «Житіе и чудеса св. Николая Мирликійскаго» («Памятн. древн. письменности» 1881) съ любопытнымъ предисловіемъ, въ которомъ доказывается, что первая часть этого произведенія переведена съ греческаго, а вторая самостоятельное русское произведеніе и принадлежитъ митр. Ефрему, писателю XI в. Эту вторую часть о. Архимандритъ издалъ въ «Пам. Др. Письм.» 1888 г. «Сказаніе о подвигахъ и жизни св. благовѣрнаго и в. кн. Александра Невскаго» («Памятн. Др. Письм.» 1882). Это сказаніе, встрѣчающееся въ лѣтописяхъ разпредѣленнымъ по годамъ, найдено было издателемъ въ отдѣль-

номъ видѣ, что служитъ очевиднымъ доказательствомъ его первоначальной отдѣльности. «Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергія чудотворца» («Пам. Др. Письм.» 1885) по первоначальной редакціи Епифанія, дотолѣ мало извѣстной; «Повѣсть о Цареградѣ» («Пам. Др. Письм.» 1886); списокъ, изданный о. Леонидомъ, интересенъ въ особенности тѣмъ, что въ немъ встрѣчается имя составителя Несторъ-Искендера; въ своемъ предисловіи издатель объясняетъ всю важность своей находки; «Два памятника древне-русской кіевской письменности» («Чт. общ. ист.» 1890, № 2); здѣсь напечатаны Несторово слово на перенесеніе мощей Өеодосія и похвала Өеодосію неизвѣстнаго (по предположеніи издателя Серапіона). Изданіе сдѣлано по лучшимъ спискамъ и сопровождается предисловіемъ. Прибавимъ, что послѣднимъ трудомъ усопшаго была книга, изданная въ 1891 г.: «Святая Русь или свѣдѣнія о всѣхъ святыхъ и подвижникахъ благочестія на Руси до XVIII в. обще и мѣстно чтимыхъ». Такова въ общихъ чертахъ многолѣтняя и многотрудная дѣятельность высокочтимаго изслѣдователя: да послужитъ же она въ примѣръ и поученіе.

Александръ Аѳанасьевичъ Потебня, профессоръ Харьковскаго Университета, по обширности своихъ знаній, по тонкости анализа явленій языка, по стремленію восходитъ къ общимъ философскимъ основамъ, занимаетъ, по общему признанію, высокое мѣсто въ ряду языковѣдовъ не только русскихъ. Его собственная, хотя и краткая, записка объ его жизни и развитіи, помѣщенная въ приложеніи къ т. III «Исторія русской этнографіи» А. И. Пыпина, даетъ возможность понять и ходъ его развитія и цѣли, къ которымъ онъ стремился. Дворянинъ по происхожденіи, онъ родился въ 1835 г. въ Роменскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, учился въ Радомской гимназіи, гдѣ дядя его по матери былъ учителемъ. «Въ Радомской гимназіи, говоритъ Потебня, сколько помню, учили сносно только латинскому языку; остальное было ниже посредственности. Если впослѣдствіи меня не пугала грамматика, то думаю потому, что смолоду не зналъ никакихъ грам-

матическихъ учебниковъ». Въ гимназіи онъ познакомился съ польскимъ языкомъ, тогда бывшимъ языкомъ преподаванія, и съ нѣмецкимъ въ семьѣ своего дяди. Въ 1851 г. онъ поступилъ въ Харьковскій университетъ сначала на юридическій факультетъ, но въ 1852 г. перешелъ на историко-филологическій, подъ вліяніемъ своего пріятеля Нѣговскаго, который хотя былъ и медикъ, но собиралъ пѣсни и книги о Малороссіи. По замѣчанію покойнаго, это не осталось безъ вліянія на его позднѣйшія занятія. Преподаванія въ Университетѣ не было для него безплоднымъ: правда, что Метлинскому онъ обязанъ только, какъ собирателю пѣсенъ, но Лавровскіе Н. и П. А. познакомили его съ трудами Срезневскаго, Миклошича, Караджича. Изъ книгъ, имъ прочитанныхъ въ ту пору, особенное вліяніе на него имѣли сочиненіе Костомарова: «Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи», которое ему не во всѣхъ отношеніяхъ нравилось, и статья Буслаева «Объ эпической поэзіи». «Затѣмъ—прибавляетъ онъ — къ сожалѣнію ничьими совѣтами я непользовался и работалъ, какъ и теперь, вполнѣ уединенно». Окончилъ онъ курсъ кандидатомъ въ 1856 г. Любопытно, что его кандидатская диссертація «Первыя войны Хмельницкаго» была составлена по Пасторію и *народнымъ пѣснямъ*. По окончаніи курса онъ только полгода провелъ на службѣ, въ званіи комнатнаго надзирателя гимназіи. По совѣту П. А. Лавровскаго, сталъ онъ готовиться къ экзамену на магистра славянской филологіи; выдержалъ экзаменъ и получилъ это званіе, по защитѣ въ 1860 г. диссертаціи: «О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи». Въ 1862 г. онъ былъ отправленъ за границу для приготовленія себя къ профессорскому званію. Вотъ что онъ говоритъ о своихъ заграничныхъ занятіяхъ: «Въ Берлинѣ я лекцій неслушалъ (находилъ, что не стоитъ), а школьнымъ образомъ учился санскриту у Вебера: дома тщательно готовился, а въ аудиторіи съ глазу на глазъ сдавалъ урокъ; характерно, что сидя одинъ на одинъ семестръ по 4 или 5 часовъ въ недѣлю, мы не сказали другъ другу ни одного слова, не относящагося къ уроку». «Это могло бы

имѣть рѣшительное вліяніе на мои послѣдующія занятія, еслибы продолжалось не семестръ, а 2—3 года; но время тогда было мало располагающее къ такимъ занятіямъ; стала одолѣвать тоска и я черезъ годъ самовольно вернулся въ Россію». Возвратясь онъ былъ назначенъ доцентомъ по каѳедрѣ Русской Словесности. Въ слѣдующія годы онъ помѣстилъ нѣсколько статей въ журналахъ («Чт. въ Общ. Ист.», «Фил. Записки», «Древности Московскаго Археологическаго общества», «Журн. Минист. Народн. Просв.»), изъ которыхъ важнѣйшею было изслѣдованіе: «О миѳологическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣріи», встрѣченное строгою, но во многихъ отношеніяхъ справедливою критикою П. А. Лавровскаго. На этомъ изслѣдованіи лежали слѣды увлеченій тогда господствовавшей миѳологической школой, которой конечно нельзя отказать въ значительной принесенной ею пользѣ стремленіемъ къ объясненію вѣрованій посредствомъ сравненій, но которая необращала надлежащаго вліянія на историческія условія и безразлично пользовалась данными разныхъ вѣковъ, а въ русской миѳологіи даже свѣдѣніями, относящимся къ разнымъ племенамъ славянскимъ. Въ 1874 г. Потебня защитилъ диссертаціи на степень доктора: «Изъ записокъ по Русской грамматики» I, II. Тогда онъ избранъ былъ сначала экстроординарнымъ, а потомъ и ординарнымъ профессоромъ. Сочиненіе это было признано Академіей: авторъ его избранъ въ члены-корреспонденты отдѣленія русскаго языка и словесности и вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ полную Ломоносовскую премію. Покойный академикъ И. И. Срезневскій, самъ глубокій знатокъ и строгій изслѣдователь, присуждая Потебнѣ премію, посвятилъ труду его обстоятельный разборъ, въ которомъ приходитъ къ слѣдующему выводу: «Стройное богатство подбираемыхъ данныхъ, ихъ объясненій и сближеній, приводящихъ къ характеристикѣ древняго и новаго русскаго языка сравнительно съ другими славянскими и не славянскими, особенно съ литовскимъ и латышскимъ, и положительность выводовъ о ходѣ измѣненій языка даютъ труду г. Потебни важное значеніе въ ряду другихъ новыхъ трудовъ по русскому языку.

Не онъ началъ то, за что взялся такъ усердно; но онъ продолжалъ начатое съ такимъ успѣхомъ, что если кто-нибудь займется изученіемъ русскаго языка съ исторической точки зрѣнія при помощи трудовъ, изданныхъ до Записокъ г. Потебни, и невозметъ себѣ въ помощь этихъ Записокъ, то онъ во многихъ случаяхъ останется въ темнотѣ, съ вопросомъ безъ отвѣтовъ или съ отвѣтомъ безъ доказательствъ». Тотъ же Академикъ представилъ въ Отдѣленіе Русскаго языка и словесности обстоятельную «Записку о трудахъ проф. А. А. Потебни». Почтенный нашъ сочленъ И. В. Ягичъ привѣтствовалъ въ своемъ «Архивѣ» труды Потебни лестнымъ отзывомъ. Въ 1889 г. трудъ этотъ вышелъ новымъ дополненнымъ изданіемъ. Въ 1890 г. Этнографическое отдѣленіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества присудило Потебнѣ Константиновскую медаль. В. И. Ламанскій въ своей рецензіи приходитъ къ такому выводу о «Запискѣ по Русской Грамматикѣ»: «Можно сказать, что онѣ въ настоящее время занимаютъ такое же мѣсто въ славянской филологіи, какое въ свое время занимали въ ней историко-фонетическія и морфологическія изслѣдованія Добровскаго о чешскомъ языкѣ (введенія къ исторіи чешской литературы и чешской грамматики), послужившія впослѣдствіи образцомъ для грамматическихъ трудовъ по другимъ славянскимъ языкамъ». Много другихъ филологическихъ трудовъ издано покойнымъ [1]), но едва ли не самый важный изъ нихъ: «Къ исторіи звуковъ русскаго языка» (4 вып. Ворон. и Варшава 1876—83), о которомъ пр. Ламанскій выразился такъ: «Всѣ эти лингвистическія изслѣдованія пр. Потебни имѣютъ важное значеніе не для одной славистики, а выдаютъ въ авторѣ такого первостепеннаго мастера, какимъ онъ оказалъ себя въ своихъ Запискахъ по Русской Грамматикѣ». Свое мнѣніе о малорусскомъ нарѣчіи, образованіе котораго онъ относилъ къ раннему времени, Потебня развивалъ въ многихъ

[1]) Списокъ трудовъ Потебни у А. И. Пыпина: «Ист. Русск. Этнографіи» III, 153—154.

изслѣдованіяхъ, а въ особенности въ разборѣ книги г. Житецкаго: «Обзоръ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія» (въ «Отчетѣ объ Уваровскихъ преміяхъ» 1878). Глубокій знатокъ языка оказался такимъ же знатокомъ и народной поэзіи. Сюда относится главнымъ образомъ «Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ» (въ «Филологическомъ Вѣстникѣ» 1882—1887); Разборъ «Народныхъ пѣсенъ Галицкой и Угорской Руси» Головацкаго (въ XXI отчетѣ о присужденіи Уваровскихъ премій) и изданіе «Слова о полку Игоревѣ», о которомъ В. И. Ламанскій замѣчаетъ: «Здѣсь ярко выступаетъ даровитость пр. Потебни, его удивительная памятливость, что касается народной поэзіи русской и всѣхъ славянскихъ народовъ, его рѣдкая сила анализа, рядомъ со свойственною обыкновенно развѣ великимъ художникамъ и весьма рѣдкою у ученыхъ, живостью и цѣльностью разумѣнія поэтическихъ сокровищъ народнаго духа».

Въ 1881 г. было отпраздновано тридцатилѣтіе ученой дѣятельности Потебни. Въ статьѣ, помѣщенной по этому поводу въ «Кіевской Старинѣ» (1887, №№ 6 и 7), вотъ что говорится объ отношеніяхъ его къ студентамъ: «на учащуюся молодежь историко-филологическаго факультета Александръ Аѳанасьевичъ всегда оказывалъ большое нравственное вліяніе. Студенты, и старые и новые, уважаютъ въ лицѣ его человѣка, глубоко-преданнаго наукѣ, постоянно работающаго, полнаго хозяина въ избранной имъ области филологическихъ знаній, независимаго, самостоятельнаго, строгаго и требовательнаго къ себѣ и другимъ. Александръ Аѳанасьевичъ профессоръ въ лучшемъ значеніи этого слова: онъ не только сообщаетъ свѣдѣнія, но и опредѣляетъ пути для ихъ пріобрѣтенія и возбуждаетъ охоту къ усвоенію и разработкѣ ихъ путемъ самостоятельной работы и исключительно въ силу духовной пытливости».

Въ заключеніе позволимъ себѣ выписать собственное мнѣніе Потебни о характерѣ его научной дѣятельности. «О настоящихъ и будущихъ своихъ работахъ — говоритъ онъ въ указанной уже Записки — могу сказать только, что работать становится труднѣе, и я не знаю, удастся ли выпустить въ свѣтъ то, что

накопилось за 20 и болѣе лѣтъ. Наиболѣе интересуютъ меня вопросъ языкознанія, понимаемаго въ Гумбольдтовскомъ смыслѣ: «Поэзія и проза (поэтическое и научное мышленіе) суть явленія языка». Въ послѣдніе годы я читалъ нѣсколько разъ курсъ теоріи словесности, построенный на этомъ положеніи. На очереди у меня грамматическая работа, связанная съ этимъ курсомъ, носящая два заглавія — для публики: «Объ измѣненіи значенія и замѣнахъ существительныхъ», для меня: «Объ устраненіи въ мышленіи субстанцій, ставшихъ мнимыми» или «О борьбѣ миѳическаго мышленія съ относительно-научнымъ въ области грамматическихъ категорій» (по даннымъ преимущественно русскаго языка). Въ основаніи лежитъ мысль впрочемъ не новая, что философскія обобщенія такихъ-то, по имени ученыхъ, основаны на философской работѣ безъименныхъ мыслителей, совершающіеся въ языкѣ, что напр. математика, оперирующая съ отвлеченнымъ числомъ, отвлеченною величиною, возможна лишь тогда, когда языкъ перестаетъ ежеминутно навязывать мысль о субстанціальной вещественности числа, а въ противномъ случаѣ величайшій математикъ и философъ, какъ Пиѳагоръ, долженъ будетъ оставаться на этой субстанціальности. Изъ того, что мнѣ приходилось говорить о народности, заимствованіи и т. п. въ печать попались только строки, напр. въ разборъ «Пѣсенъ Головацкаго».

Тяжело становится на душѣ, когда читаешь эти слова, написанныя незадолго до смерти, и грустно думать, что такъ много задуманнаго осталось неисполненнымъ. Неужели слушатели покойнаго, столь глубоко уважавшіе его, не найдутъ возможнымъ издать курсъ, о которомъ онъ говоритъ.